

М. Г. Миненок

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОРРУПЦИИ

Анализируются социально-психологические детерминанты коррупции, особенности проявления этого феномена в XIX в. и в настоящее время. Делается вывод о том, что воздействие на коррупцию непосредственно ужесточением уголовного наказания в современных условиях может дать более выразительный и скорый эффект, чем продолжительная затратная деятельность по снижению уровня бедности, резкой имущественной дифференциации населения и др. Сохраняет свою значимость и реализация принципов законности, а также неотвратимости наказания за коррупционные преступления.

This article analyses the socio-psychological determinants of corruption and the features of this phenomenon in the 19th century and today. It is concluded that, in the current condition, a more sever criminal penalty can have a greater effect than continuing and costly efforts to reduce poverty and wealth inequality in population. Of significance is the application of the principles of legality and inevitability of punishment for corruption-related crimes.

Ключевые слова: закон, нравственность, коррупция, детерминанты, меры предупреждения, эффективность.

Key words: law, morality, corruption, determinants, prevention measures, efficiency.

Коррупция как исключительно опасное общественное явление, представляющее угрозу существованию государства, определяется наряду с факторами материального, осязаемого характера: бедностью, резкой, в крайней степени несправедливой, имущественной диффе-

ренциацией, безработицей и элементами социальной психологии. Социально-психологические аспекты коррупции тесно переплетаются с нравственно-психологическими факторами, потому их изучение позволит взглянуть изнутри на внешне невидимые детерминанты коррупционного поведения.

Говоря о коррупции, в частности о взяточничестве, уместно привести размышления исследователей прошлого и позапрошлого веков о феномене взяточничества. В. Н. Ширяев отмечал:

Не в личном корыстолюбии или не только в нем лежит корень зла. Сама жажда наживы и корыстолюбие имеют свои причины и основания. Часть их указывал еще Фейербах в своей работе о подкупе. «Чиновник не должен и не может жить для себя и своих близких, как остальные граждане, он живет единственно для целого, которому он принадлежит непосредственно всем своим существом, всеми своими силами и всею своей деятельностью, и потому он вправе ожидать, что государство доставит ему и его семейству все то, о чем он не в состоянии заботиться ради службы государству. Если чиновник должен жить под гнетом домашних работ, направленных на изыскание способов приличного существования и со страхом за судьбу своих близких, тогда его служба будет службой раба, который исполняет ее не с любовью и одушевлением, а с отвращением, как тяжелое и неприятное ремесло, к которому прикован голодный раб, и исполнять которое он должен из-под страха кнута высшего раба. Но к равнодушию к священной цели государственной службы присоединяются сверх того и низкие намерения, подлая угодливость, готовность быть утилизированным каждым, кого следует бояться или от кого можно чего-либо ожидать, собака покорность, своекорыстие и грязное корыстолюбие, обман, вероломство, взяточничество и вымогательство» [1, с. 6–7].

Как видим, в соответствии с приведенной позицией интересы государственного чиновника должны быть сосредоточены только на службе государству, которое, в свою очередь, обязано обеспечить его и его семью всем необходимым для безбедного существования. Деятельность чиновника направляется не страхом наказания, не корыстолюбием, не низменными намерениями, а любовью, одушевлением, осознанием высокой значимости выполнения своих служебных обязанностей.

Следует отметить весьма оригинальные и сохранившие свою значимость и по сей день рассуждения И. Липранди, который, как считают, был хорошо знаком с бытом и нравами чиновничества, служилого класса. В 1856 г. он по поручению начальства написал интересную содержательную записку о причинах взяточничества:

Там где чиновник обеспечен, хотя и скудным, но достаточным для пропитания себя содержанием, а главное, когда он убежден, что охраняет от губельного для всех государственного самоуправства, а если и подпадает под оное, то у него есть путь к предъявлению своей правоты, тогда в таком государстве, само собою разумеется, число взяточников не столь велико: ибо на помянутых основаниях каждый дорожит своим местом, которое обеспечивает посредством закона его будущность... В тех государствах, где каждый занимающий место огражден от своеволия начальников противу беззакония которых, несмотря ни на какое лицо, он находит справедливость, в таких государствах и число взяточников не столь велико [2, с. 66–67].

Как видим, уровень притязаний чиновников середины XIX в. не был слишком высоким. Приличное материальное обеспечение, возможность при поддержке государства отстаивать свою правоту и интересы службы от произвола и самоуправства вышестоящих начальников формируют и реализуют чувство ответственности за порученное ему дело — интересы государства доминируют над личными интересами. Для современного чиновничества это нехарактерно.

Приведенные размышления подводят к весьма интересному, практически значимому, выразительному заключению, отражающему связь правоприменения закона с его качественным содержанием, пригодностью, способностью эффективно регулировать общественные отношения, защищать их от преступных посягательств. Великий древнегреческий историк Фукидид (ок. 460—400 гг. до н. э.) сказал: «Худые законы, хорошо выполняемые, предпочтительнее хороших, но не выполняемых». К этой идее спустя почти две с половиной тысячи лет вернулся немецкий философ Людвиг Фейербах (1804—1872 гг.), который при обсуждении уголовного свода в королевстве задал палате вопрос: «Лучше ли иметь хорошие законы, а худых исполнителей или наоборот». Он считал, что «благо народа обеспечивается хорошими исполнителями, что буква закона без них мертва» [2, с. 90—91].

И. Липранди делает весьма важные выводы о том, что когда чиновники материально не обеспечены, а их должность зависит от произвола вышестоящих начальников, то они, стремясь накопить за время нахождения на должности побольше средств на черный день, занимаются поборами. Если же чиновник и его семья обеспечены приличным содержанием, а государство при добросовестном выполнении чиновником своих обязанностей защищает его от самоуправства, своеволия и беззакония начальников, то он выполняет свои обязанности с любовью, воодушевлением, проникаясь глубокой ответственностью перед государством с убеждением значимости своей деятельности, правоты, которые и обеспечивают посредством закона его будущность. Приведенные рассуждения актуальны для современной России.

Совершенно очевидно, что скудное содержание не характерно для сегодняшних чиновников. Практика показывает, что государственные служащие не относятся к бедным слоям населения. Государство систематически повышает доходы своих чиновников, во много раз (десятки и сотни) превосходящие прожиточный минимум. Кроме того, чиновники и сами создают возможности для увеличения своих доходов путем искусственного роста цен, монополизации деятельности и т. д. Все это к тому же не является препятствием для поборов, хищений, различного рода злоупотреблений, приумножающих криминальные доходы и свидетельствующих о колоссальных масштабах коррупции. Однако с ростом материальной обеспеченности государственных чиновников пропорционального снижения коррупционной преступности не наблюдается. Наоборот, есть основания говорить о ее росте. Государственная должность рассматривается как источник доходов: чем богаче этот источник, тем привлекательнее должность.

Примечательно, что при высочайшей степени контрастности доходов населения РФ и значительном удельном весе малообеспеченных граждан уровень потребностей, притязаний бедных слоев населения крайне низок. По данным фонда «Общественное мнение», 11 % россиян достаточно зарабатывать в месяц 5 тысяч рублей, чтобы чувствовать себя достаточно обеспеченным человеком. Для 28 % опрошенных доход до 10 тысяч рублей уже не свидетельствует о бедности, 20 % населения полагают, что 15 тысяч рублей в месяц хватает на самое необходимое. Заработок в 20 тысяч рублей вполне устраивает 16 % граждан. Всего лишь 9 % жителей России считают, что нужно зарабатывать 30 и более тысяч рублей.

Бедность как главный повод быть неудовлетворенным отметили 15 % опрошенных. Приведенные данные свидетельствуют о том, что большинство россиян не выражают особой озабоченности крайне низким уровнем доходов, более того, 78 % населения считают себя счастливыми людьми, из них 92 % — это лица в возрасте от 18 до 24 лет [3]. Особенность этого возраста — оптимизм, который пока еще не ослаблен необходимостью решать важные житейские проблемы. Среди лиц, совершающих корыстные преступления, по нашим данным, наиболее криминогенной является возрастная группа 25—29 лет, поскольку именно на этот период приходится решение наибольшего числа жизненно важных проблем — создание семьи, поиск жилья, работы с достойной зарплатой и т.д. Не всегда приведенные проблемы решаются законопослушным путем.

Низкий уровень притязаний может быть причиной объективных трудностей в работе социальных лифтов либо свидетельствовать о неприхотливости, безысходности, пассивности, слабой требовательности к себе и другим и т.д. В любом случае низкий уровень притязаний, инертность, пассивность нельзя отнести к факторам, способствующим динамике интенсивного прогрессивного развития общества и личности. В нашем обществе сложилась и развивается субкультура бедности уже у нескольких поколений людей со своими потребностями, интересами, ценностными ориентациями, взглядами, убеждениями, оценками перспективы. Обычно эти оценки неоптимистичны и не стимулируют к активной жизненной позиции, в том числе и в отношении к осуждению, противодействию незаконному обогащению.

Определенная часть экономически активной части населения имеет высокий уровень притязаний, по-разному сформированный в результате криминальной приватизации, последствия которой проявляются и в настоящее время в современной коррупции.

Приватизация 90-х гг. XX в. государством проводилась легально, несмотря на свою вопиющую безнравственность и преступную сущность. Ее целью было сломать так называемую административно-командную систему, плановое народное хозяйство и взамен построить рыночные отношения с частной собственностью и свободным предпринимательством.

Сегодня все еще ощущаются негативные последствия приватизации и крупномасштабного грабежа национального достояния путем коррупции. И то и другое привело к ранее неизвестному феномену — чу-

довещному экономическому неравенству людей, показателем которого выступает так называемый децильный коэффициент — соотношение 10 % доходов наиболее и наименее обеспеченного населения. По оценкам экспертов, десятикратный уровень этого коэффициента приводит к экономической, политической, социальной нестабильности. Сейчас в России указанный коэффициент составляет 15, 17, 30, называют и цифру 50 [4]. В действительности он намного выше, и в крайнем своем проявлении может достигать нескольких тысяч.

Коэффициент децильности выразительно показывает стремления, масштабы и реальные возможности представителей различных социальных групп населения к материальному обогащению. Эти стремления, притязания в переводе на материальный эквивалент составляют миллиарды рублей и то, что они не имеют никаких ограничений, свидетельствует о нравственно-психологической деградации, патологии. К примеру, фигурантка по делу Оборонсервиса Е. Васильева, причинившая государству ущерб, превышающий 3 миллиарда рублей.

Главной причиной такого вопиющего неравенства доходов, по мнению Председателя Конституционного суда РФ, являются незаконность и несправедливость постсоветского «стартового» распределения общенародной собственности. В связи с чем необходимо принять решение по «окончательной правовой легитимизации постсоветской крупной собственности, полученной в ходе сомнительной «ваучерной» приватизации, залоговых аукционов, рейдерских захватов и непрозрачных сделок с заинтересованностью... Без такой легитимизации — ясной, открыто и подробно обсужденной и признанной справедливой широкими массами — нам не обойтись» [4].

Отсюда вытекает острая необходимость ретроспективной оценки и ответственности конкретных лиц, непосредственно осуществлявших волонтаристские корыстные идеи приватизации на основе отвергнутой нравственности и сознательного противопоставления абсурдных идей здравому смыслу. Мировая практика знает немало примеров, когда бывшие высокопоставленные лица осуждались и несли ответственность за действия, несоизмеримо менее опасные, чем те, которые совершили наши реформаторы и которые привели к катастрофическим последствиям для российского народа, требующим долговременных титанических усилий и лишений для восстановления национальных, экономических, нравственных и иных потерь.

Имущественное (с определенной долей условности классовое) расслоение общества в результате преступной приватизации породило еще один криминогенный феномен, о котором пишут, говорят, на тему которого проводят серьезные исследования и который является выразительной особенностью сегодняшней России, — это социокультурный раскол, полностью блокирующий, по мнению некоторых государствоведов, возможности достижения общественного согласия как базиса устойчивого конституционного права и являющийся непреодолимым препятствием для конституционно-правового развития страны [5]. В таком случае отыскать общенациональную идею согласия невозможно. Ведь имущественная дифференциация общества несправедлива и в

крайней степени безнравственна — это не просто констатация факта, она находит свое продолжение в сфере социальной психологии, в различных нравственных ориентирах, отношениях между социальными общностями (группами) и отдельными индивидами с различным уровнем материальной обеспеченности.

Богатые считают, что они лучше, активнее и умнее бедных, они не совершают краж, грабежей, лучше приспособившись к жизни. Депутат Госдумы И. Костунов прямо заявил, что «самый тупой депутат умнее среднестатистического гражданина» [6]. Такой снобизм — это следствие несправедливого распределения тягот реформ между различными группами населения, что в итоге может привести к остановке развития реформ, к затягиванию кризиса и даже к революционным эксцессам [4].

Выход из такой ситуации может быть различным — от однозначных до комплексных решений проблем: деприватизация и национализация государственной (общенародной) собственности; выплата всем гражданам ренты от приватизированной собственности; повышенное налогообложение на некоторые виды деятельности, значительный нетрудовой доход (игорный бизнес), на престижную собственность, не приносящую прибыль, находящуюся в личном пользовании конкретных лиц (предметы роскоши, драгоценности); безусловное изъятие имущества, добытого преступным путем, а также при отсутствии либо недостаточности доказательств легального происхождения собственности; конфискация имущества (безотносительно его источника) как мера уголовного наказания.

Важное значение в формировании социально-психологических оценок в отношении коррупции имеет уголовное право, его роль в борьбе с преступностью, защите нравственных норм в настоящее время исключительно велика. Дело в том, что антидетерминанты коррупции (борьба с бедностью, резкой имущественной дифференциацией и т.д.) включены в сложный тяжеловесный социальный механизм, выполняющий стратегические функции, эффективность которых проявится в отдаленной перспективе. Для нормы уголовного права ближе решение задач тактического характера. Например, ужесточение уголовного законодательства и практики его применения за коррупцию, что, безусловно, сблизит представление людей о справедливом и несправедливом, поднимет репутацию уголовной политики, снизит растратывание бюджетных средств.

Преступность, особенно коррупционная, легко перемалывает все средства, направленные против нее, подпитывается и укрепляется ими. Кроме того, преступность порождает свои детерминанты (бедность, нищету и т.д.), борьба с ними представляет собой стратегический путь предупреждения преступности, в то же время это окружной путь, непосредственно напрямую направленный на борьбу с преступностью, это нормы уголовного права, которые хотя и не решают в принципе проблему, но дающие быстрый позитивный эффект. Применительно к возможностям нынешнего состояния борьбы с преступностью такой подход наиболее предпочтителен.

В России до недавнего времени не было специализированной федеральной структуры, предназначенной для борьбы с коррупцией. Такая деятельность была сосредоточена среди государственных, муниципальных, правоохранительных органов, общественных организаций, осуществлявших определенные функции по противодействию коррупции.

Указом президента Российской Федерации от 3 декабря 2013 г. №878 создано Управление Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции и утверждено Положение об Управлении¹. К числу основных функций Управления относятся: участие в подготовке законопроектов, вносимых президентом РФ в Госдуму в порядке законодательной инициативы; участие в подготовке предложений президенту РФ по кандидатурам на государственные должности РФ и должности федеральной государственной службы; анализ практики применения федерального законодательства в области противодействия коррупции; осуществление в установленном порядке проверки о достоверности и полноте сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых лицами, замещающими должности, осуществление полномочий по которым влечет за собой обязанность представлять такие сведения, либо гражданами, претендующими на замещение этих должностей и др.

Представляется весьма важным при установлении сведений о доходах выявлять их источник (происхождение). Это имеет большое значение при возникновении необходимости нравственной и правовой оценки полученных доходов. Ведь достоверность и полнота сведений о доходах вовсе не всегда свидетельствуют об их легитимности. Примером может быть дело депутата Госдумы И. Пономарева, которому фондом «Сколково» было выплачено 9 миллионов рублей за чтение 10 лекций по 8—10 минут по несогласованным темам. Пономарев не является ученым, он не имеет даже высшего образования. Суд первой инстанции постановил взыскать с Пономарева 2,7 миллиона рублей. Мосгорсуд согласился с таким решением [8]. Совершенно очевидно, что такой гонорар незаконный, а может быть, и криминальный. Ведь в российских и зарубежных вузах даже профессорам таких денег на законных основаниях никто не заплатит. Поэтому при проверке фактов доходов и расходов конкретных лиц сведения об их источниках доходов важны и для правовой оценки и для профилактики коррупции через средства массовой информации, которые по их запросам получают необходимые данные от компетентных органов в соответствии с приведенным указом президента РФ.

В связи с этим, по мнению автора, необходимо дифференцировать социальную значимость и оценку доходов физических и юридических лиц с правовых, нравственных и экономических (фискальных) позиций. Ведь доходы могут быть результатом производительного, созидательного

¹ Создание подобной структуры было предложено автором в 2011 г. Обоснована ее необходимость, компетенция, функции и масштаб деятельности [7, с. 79—80].

тельного, общественно-полезного труда (материальные и духовные ценности) — трудовые доходы. Но доходы могут быть и нетрудовыми — рента, проценты, выплачиваемые по банковским вкладам, облигации государственного займа, игорный бизнес, результат запрещенной, преступной деятельности. Очевидно, что правовая и нравственная оценки такой деятельности могут привести к разным результатам — от осудительного до поощрительного, однако в любом случае с позиции здравого смысла.

Коррупция — это, безусловно, явление высокой степени общественной опасности. При этом следует признать, что проблемы борьбы с коррупцией в современной России явно преувеличены, надуманны, прежде всего потому, что, по сути, никакой борьбы и не ведется. Прозвучит много речей, объявится о намерении признать очередную программу борьбы с коррупцией, однако вся эта деятельность остается на уровне благих пожеланий.

Существует комплекс концептуальных научных положений, применение которых даст выразительный положительный эффект. Это вышперечисленные и другие совершенно незатратные способы воздействия на коррупцию, весьма актуальные и доступные для реализации.

Список литературы

1. *Щиряев В.Н.* Взятничество и лихоходательство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Ярославль, 1916.
2. *Липранди И.* О взятках, взяточниках и доносчиках // Чтения в императорском обществе истории и Древностей Российских при Московском университете. М., 1870. Кн. 3.
3. *Выжutowич В.* Исторический максимум счастья // Российская газета. 2014. 16 мая.
4. *Зорькин В.* Экономика и право: новый контекст // Там же. 22 мая.
5. *Зорькин В.* Конституционный вектор России // Там же. 19 нояб.
6. *Семущкин С.* Депутат Госдумы Илья Костунов: «Самый тупой депутат умнее среднестатистического гражданина» // Комсомольская правда. 2012. 15 нояб.
7. *Миненок М.Г.* Борьба с организованной и коррупционной преступностью в России: реальность и перспективы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. №9.
8. *Полетаев В.* Гонорар с возвратом // Российская газета. 2013. 25 нояб.

Об авторе

Михаил Григорьевич Миненок — д-р юр. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: minenokm@gmail.com

About the author

Prof. Mikhail Minenok, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: minenokm@gmail.com